

Осмунд Эгге

Советская дипломатия в Норвегии и Швеции в межвоенный период — роль Александры Коллонтай

Введение

В данной статье я намерен осветить деятельность советской дипломатии в Норвегии и Швеции в межвоенный период и попытаться оценить роль Александры Михайловны Коллонтай в развитии советско-норвежских и советско-шведских отношений в эти годы¹. Коллонтай возглавляла (в ранге полномочного представителя, сокращенно — полпреда) советское дипломатическое представительство в Норвегии с 1923² по 1930 г. (с коротким перерывом в 1926–1927 гг., когда она занимала пост полпреда в Мексике) и в Швеции с 1930 по 1945 г. (с 1943 г. — уже в ранге чрезвычайного и полномочного посла). Ее считают первой женщиной-дипломатом в новейшей истории.

До назначения советником торговой делегации РСФСР в Норвегии осенью 1922 г. Александра Коллонтай не имела опыта дипломатической работы. Однако она прекрасно подходила для профессии дипломата. Коллонтай получила отличное образование, говорила на нескольких языках, неоднократно участвовала в международных форумах и имела хорошие навыки общения с иностранцами. Особым преимуществом для работы в Норвегии стал тот факт, что в годы Первой мировой войны она уже жила в этой стране, а потому была хорошо знакома с ней и многими норвежскими деятелями.

Начнем с вопросов: каким образом Коллонтай вела свою дипломатическую работу в Норвегии и Швеции? Каков был ее личный вклад в развитие отношений между Советским Союзом и этими двумя государствами? Как ее приняли в этих странах и какие отношения сложились у нее с представителями важнейших политических кругов — особенно рабочим движением? Имелись ли какие-либо особенности в деятельности советской дипломатии в Норвегии и Швеции в межвоенный период, и если да, то можно ли связать их с личным влиянием Коллонтай?

Советская внешняя политика чуть ли не с самого начала носила двойственный характер. С одной стороны, Москва преследовала цели, связанные с мировой революцией, что в организационном плане выразилось в создании Коммунистического Интернационала (сокращенно — Коминтерна). С другой стороны, Советской России необходимо было преодолеть международную изоляцию и установить нормальные отношения с другими государствами, что требовало традиционного дипломатического подхода. Эти два внешнеполитических направления — попытки наладить хорошие отношения с иностранными правительствами и одновременно свергнуть их путем коммунистической революции — естественно, противоречили друг другу.

Александра Коллонтай в Норвегии: как отделить «государственную работу от партийной»?

Упомянутая двойственность и ее последствия вскоре проявились и в отношениях с Норвегией³. Еще в июне 1919 г. Норвежская рабочая партия (НРП, по-норвежски — *Det norske Arbeiderparti (DnA)*) вступила в Коминтерн. Она стала одной из немногих крупных социалистических партий Европы, вошедших в эту организацию, и единственной крупной партией, присоединившейся к знаменитому — или пресловутому — документу «21 условие приема в Коммунистический Интернационал», принятому на Втором конгрессе Коминтерна летом 1920 г. Однако «Московские тезисы», как называли эти условия в Норвегии, вскоре стали объектом разногласий в НРП, что в конечном итоге привело в 1923 г. к расколу в партии и созданию Коммунистической партии Норвегии (КПН) в качестве норвежской «секции» Коминтерна⁴.

Дипломатический пост Коллонтай требовал осторожности в отношении внутрипартийных дел в стране пребывания. На этот счет ее специально проинструктировал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин: в одном из писем он обратил внимание на «проводимое нами вследствие исторической необходимости строгое разделение государственной работы и партийной»⁵. Она и проявляла осторожность с самого начала. В ходе интервью корреспонденту одной из норвежских газет вскоре после прибытия в Норвегию ей задали вопрос о предстоящем конгрессе Коминтерна. Но она «нашла это

излишним. Ни слова о Коминтерне». И все же в своих дипломатических дневниках она задавалась вопросом: «Как не выправлять их, если намечаются ошибки?»⁶

В связи с расширенным совещанием ЦКНРП в январе 1923 г. тогдашний глава советской торговой делегации Я. З. Суриц и Коллонтай получили указание держаться в стороне от внутривнутрипартийной борьбы и одновременно в частных беседах оказывать влияние на руководителей партии, чтобы вывести ее «из тупика вредных дискуссий»⁷. Позднее Коллонтай также случалось вести политические дискуссии с руководителями партии, особенно ее лояльного Коминтерну крыла⁸. Таким образом, полного отделения чисто дипломатической работы от участия в партийных делах все же не было.

Коллонтай критически оценивала линию Коминтерна по отношению к НРП и через своего секретаря Марселя Боди пыталась убедить его руководство относиться к норвежцам терпеливее и не допустить раскола партии⁹. Она опасалась, что жесткая позиция Коминтерна повредит ее усилиям добиться признания Норвегией советского правительства де-юре. После того как раскол стал фактом, она не могла скрыть негодования: «Не могу не отметить с большим прискорбием, что [Норвежская рабочая] партия, единственная компартия, которая в вопросе признания России могла бы сыграть роль серьезного политического фактора, быть может ослаблена расколом. Момент для раскола выбран крайне для нас неблагоприятный. Меня весьма удивляет, что Коминтерн не посчитался с политической ситуацией и слишком поспешил с актом раскола, не учтя и не приняв, очевидно, во внимание, насколько данный факт затруднит сейчас нашу ближайшую задачу»¹⁰.

Впрочем, даже после раскола в Рабочей партии в 1923 г. представители норвежского рабочего движения еще много лет относились к СССР с большим сочувствием, чем рабочие партии других западноевропейских стран¹¹. Это относится не только к Коммунистической партии Норвегии, чье влияние быстро слабело, но и к не связанной с Коминтерном Норвежской рабочей партии.

Эта симпатия к «советскому проекту» способствовала сотрудничеству советских дипломатов с НРП и КПН¹². В частности, депутаты от обеих партий в Стортинге (парламенте) передавали Коллонтай и другим сотрудникам полпредства секретную информацию. Более того, сотрудничество между дипломатами и их норвежскими «друзьями» распространялось и на внешнеполитические вопросы, в основном связанные с советско-норвежскими отношениями. Советские дипломаты оказывали влияние также на позицию норвежских левых партий по внутривнутриполитическим проблемам страны. Впрочем, это была «улица с двусторонним движением»: норвежские левые, в свою очередь, порой пытались повлиять на советскую политику в отношении Норвегии.

В ходе внутривнутрипартийной борьбы в НРП до раскола в 1923 г. «прокоминтерновская» фракция пыталась заручиться помощью этой организации, а также использовать торгпредство в качестве посредника, особенно в связи с просьбами о финансовой поддержке. Согласно одному донесению полиции, Коллонтай

даже якобы высказывала раздражение в связи с назойливостью лидера прокоминтерновской фракции¹³.

В личном плане, а возможно, даже и в политическом, у Коллонтай сложились более близкие отношения с представителями Рабочей, а не Коммунистической партии. Так, ее самыми близкими друзьями среди норвежцев были фактический лидер НРП Мартин Гранмель и Рахель Грепп, вдова покойного председателя партии Кюре Греппа. О близости Коллонтай к Рабочей партии и доверии к ней свидетельствует ее письмо Рахели Грепп, написанное в декабре 1930 г., вскоре после ее перевода на пост полпреда в Стокгольме. В нем Коллонтай выражает тревогу по поводу судьбы своего личного архива в случае ее смерти. Она опасалась, что эти документы «попадут в те руки, что неправильно ими воспользуются или вовсе уничтожат». В советский Музей революции, поясняла она, «можно передавать только изданные книги и статьи, но никак не рукописи». О них придется позаботиться ее близким друзьям. В конце письма она даже намекнула на возможность передачи своего архива НРП: «Может быть 'Arbeiderparti' возьмет все мои материалы на свое попечение?»¹⁴

Дипломатическая деятельность Коллонтай в Норвегии

Менее чем за год до прибытия Коллонтай в Норвегию в качестве советника торговой делегации она просила выдать ей визу для посещения Норвегии. Однако шеф норвежской тайной полиции, считая ее «одним из самых убежденных и видных (*ivrigste og fremmeligste*) революционеров», настоятельно рекомендовал отклонить ее просьбу¹⁵. Дело было в 1921 г., когда страх перед революцией в Норвегии достиг апогея. В конечном итоге она получила визу на определенных условиях, но поездка не состоялась.

Когда в октябре 1922 г. Коллонтай приехала в Норвегию, полиция установила за ней наблюдение. Но поскольку в первые месяцы пребывания в стране она вела довольно замкнутую жизнь, докладывать агентам было особенно не о чем. В прессе приезд Коллонтай был воспринят так же, как и в соответствующих политических кругах: рабочая печать была настроена к ней дружелюбно, а буржуазные газеты — негативно. Сообщалось, что Коллонтай сетовала на недружелюбное отношение буржуазной прессы как к ней лично, так и к Советской власти¹⁶.

Как уже упоминалось, несмотря на отсутствие опыта дипломатической работы, Коллонтай в роли дипломата в Норвегии обладала рядом преимуществ. Ее образованность, знание нескольких языков — она даже совсем неплохо говорила по-норвежски — знакомство со страной и многими норвежцами в те годы, когда она жила в Норвегии, создавали для нее превосходные «стартовые позиции». Хорошие контакты с руководителями влиятельной НРП, относившейся к СССР, пожалуй, дружелюбнее, чем любая другая социал-демократическая партия, позволяли ей лучше других понимать условия, существующие в Нор-

вегии. Помимо Транмеля, Грепп и других друзей в лагере левых, она лично познакомилась и подружилась с политическими лидерами из буржуазных партий, в том числе, что самое важное, с Юханом Людвигом Мувинкелем, возглавлявшим Либеральную партию и занимавшим пост премьер-министра большую часть срока ее дипломатической службы в стране. В борьбе за нормализацию отношений между Норвегией и СССР Коллонтай наладила широкие контакты и за пределами чисто политических кругов.

Благодаря обширным связям, в том числе и с некоторыми ведущими политическими деятелями, а также активной и успешной дипломатической деятельности Коллонтай пользовалась влиянием, которым вряд ли может похвастаться обычный дипломат. Этот факт можно проиллюстрировать одним эпизодом — правда, он нам известен только со слов самой Коллонтай. В начале 1930 г. в Стортинге предстояли дебаты по предложению правительства о повышении пошлины на ввозной лес, а в тот период значительный объем древесины для производства бумаги бумагоделательная фабрика «Борегорд» импортировала из СССР. Директор фабрики посетил Коллонтай и просил ее повлиять на правительство: «Мадам Коллонтай, похлопочите у кабинета, чтобы отложили хоть на год вопрос о повышении пошлин на лес. Это и нам, и вам будет выгодно. А вы пользуетесь таким влиянием на кабинет, что ваше “пожелание” больше значит, чем просьба норвежского промышленника»¹⁷.

Уже вскоре ее репутация в норвежском обществе в целом также заметно изменилась. Если сначала в буржуазной среде ее воспринимали с подозрением как одиозную большевичку, то со временем она завоевала там уважение и даже популярность. В 1927 г., когда Коллонтай вернулась в Норвегию из Мексики, даже консервативные газеты публиковали приветственные статьи. С. М. Мирный, работавший секретарем Коллонтай после ее возвращения, в своих воспоминаниях о заключительном периоде ее пребывания в Норвегии в качестве полпреда отмечал, — возможно, слегка преувеличивая, — что она была там не просто популярна, но и любима¹⁸.

Количество вопросов, которыми Коллонтай пришлось заниматься в Норвегии, было не так уж велико. В первые годы главным из них был вопрос о признании Норвегией Советского Союза де-юре: он был решен в феврале 1924 г.¹⁹ Другая проблема, которой Коллонтай уделяла немало времени, была связана с последствиями для норвежских китобоев принятого советским правительством решения о расширении морских границ на Крайнем Севере, вследствие которого Земля Франца-Иосифа и ряд других островов в Северном Ледовитом Океане теперь становились территорией СССР²⁰. Коллонтай также вплотную занималась торгово-экономическими вопросами, и прежде всего вела переговоры о заключении торговых соглашений, особенно об экспорте норвежской рыбы в Россию²¹. Эти усилия имели и политическое значение, поскольку результат переговоров о закупке рыбы должен был повлиять на отношение норвежских рыбаков к СССР — и к местным коммунистам²². В последние годы

работы Коллонтай в Норвегии между двумя странами проходили длительные переговоры о заключении договора о ненападении. Однако норвежское правительство настаивало на создании Согласительной (арбитражной) комиссии, и переговоры не увенчались результатом²³.

Стоит также подчеркнуть большую роль Коллонтай в установлении культурных связей между Норвегией и Советским Союзом. В ходе пребывания в стране, особенно в последние годы, она сумела создать обширную сеть контактов с норвежскими писателями и художниками²⁴.

В ходе дипломатической деятельности Коллонтай активно завязывала контакты и продвигала инициативы, способные повысить престиж СССР. Это позволяло ей составлять подробные, весьма информативные отчеты для НКВД. Однако, следуя указаниям Чичерина, она проявляла осторожность, когда дело касалось самостоятельных инициативных действий по чувствительным политическим вопросам.

И. М. Дьяконов, ребенком живший в Осло, где его отец работал в советском полпредстве, вспоминает: отец говорил ему, что для Коллонтай в ее работе не была характерна смелость, она боялась самостоятельно принимать решения²⁵. Дьяконов связывает это с тем, что ей необходимо было быть особенно осторожной из-за участия в партийной оппозиции в прошлом. Эта точка зрения заслуживает внимания. Но, возможно, была и другая причина: на собственном опыте она не ощущала необходимой поддержки из Москвы в своей дипломатической работе. Так, в связи с признанием Норвегией советского правительства де-юре в феврале 1924 г. Коллонтай и министр иностранных дел Норвегии составили совместную декларацию. Она включала формулировку, которую можно было истолковать как обещание предоставить Норвегии режим наибольшего благоприятствования в будущем двустороннем договоре о торговле и мореплавании, который еще предстояло разработать. Текст декларации не был заранее согласован с Наркоминделом, и Коллонтай получила из Москвы жесткий выговор за нарушение директив Центра. После этого ей пришлось «дезаурировать себя», что было и неловко, и уничительно²⁶.

Однако Коллонтай не боялась свободно высказывать начальству собственное мнение и во многих случаях оценивала ситуацию по-своему. Вот хотя бы один пример: именно она сыграла решающую роль в переговорах о признании Норвегией советского правительства де-юре. Окончательное решение вопроса, предусматривавшее признание Советским Союзом суверенитета Норвегии над архипелагом Шпицберген, было найдено именно Коллонтай. Чичерин поначалу не понимал ее доводов о том, что уступка Москвы в шпицбергенском вопросе позволит добиться от Норвегии официального признания советского правительства. Но в конечном итоге Коллонтай удалось убедить руководство в своей правоте²⁷.

Причина, по которой осенью 1923 г. и Коллонтай, и Москва придавали такое значение переговорам о признании де-юре с малой страной — Норвегией,

заклучалась в следующем: в тот момент существовала вероятность, что именно Норвегия первой из стран Западной Европы признает советское правительство. Тогда признание со стороны международного сообщества было для советской стороны главным внешнеполитическим приоритетом, и признание СССР даже малым государством укрепило бы позиции Москвы на аналогичных переговорах с крупными державами. Однако норвежское правительство не осмелилось пойти наперекор Великобритании и другим великим державам в вопросе о признании. Поэтому, к большому разочарованию Коллонтай, Италия и Великобритания признали советское правительство раньше Норвегии.

Дипломатическая деятельность СССР в Норвегии в 1930-х гг.

Советские дипломаты, ставшие преемниками Коллонтай, никогда не пользовались в Норвегии таким влиянием и авторитетом, как она. Да, они тоже время от времени получали конфиденциальную информацию из источников в КПН и НРП. Но КПН вскоре перестала играть сколько-нибудь заметную роль в норвежских внутривнутриполитических процессах, и после 1930 г. не имела ни одного депутата в Стортинге. Впрочем, более важная причина, вероятно, заключалась в том, что советские дипломаты не имели столь обширных контактов среди норвежцев, как Коллонтай²⁸.

Несомненно, на работу советских дипломатов влияла также усиливающаяся сталинизация советского общества и массовые репрессии 1930-х гг. Сфера деятельности преемников Коллонтай в Норвегии была уже, и они не столь активно информировали Москву о положении дел в стране. Правда, ее непосредственный преемник на посту полпреда А. А. Бекзадян, как и Коллонтай, отправлял в НКВД пространные донесения по широкому кругу тем, связанных с политической жизнью страны и норвежским обществом. Однако после его отъезда из Норвегии в 1934 г. дипломатические донесения стали скромнее по охвату и информационной ценности, а после 1937 г. создается впечатление, что поток «политписем» в Москву из полпредства практически иссяк²⁹.

Дипломатическая деятельность СССР в Швеции в 1920-х гг.

После введения Новой экономической политики (нэпа) в 1921 г. ставка на революционные потрясения на Западе в советской внешней политике сменилась задачей установления нормальных дипломатических отношений с другими странами, и прежде всего с крупными государствами Западной Европы. В первый год после Октябрьской революции Москва рассматривала Стокгольм как один из главных центров своей деятельности в отношении

капиталистического Запада³⁰. В мае 1920 г. Швеция первой из западных стран заключила с Советской Россией контракт на поставку промышленной продукции — так называемое «Красинское соглашение». Но это была чисто коммерческая сделка, и шведские власти долгое время отказывались принять в качестве главы торговой делегации любое лицо, имеющее политические полномочия, и уж тем более признать за ним любые политические функции. В ответ советское правительство настаивало на урегулировании политических отношений между двумя странами, прежде чем предоставлять шведским коммерсантам и промышленникам какие-либо преимущества³¹.

В сентябре 1921 г. Норвегия и Советская Россия заключили торговое соглашение, что означало признание Норвегией советского правительства де-факто. Вскоре после этого к власти в Швеции пришло правительство социал-демократов во главе с Ялмаром Брантингом. Для рассмотрения вопроса о советско-шведском торговом соглашении была создана парламентская комиссия, и в апреле 1922 г. правительство внесло в Риксдаг (парламент) предложение о его подписании. Однако в обеих палатах Риксдага предложение было отклонено³². На этом этапе традиционная антироссийская позиция шведских консерваторов исключала признание де-факто³³. В Швеции условия для успешной дипломатической деятельности СССР были явно сложнее, чем в Норвегии. Так, шведские власти оказали весьма холодный прием первым двум советским полпредам — П. М. Креженцеву и В. В. Осинскому³⁴.

Москва в ответ на отказ Швеции от торгового договора аннулировала «Красинское соглашение» и ввела против Швеции экономический бойкот³⁵. Это не создало советской стороне каких-либо трудностей — после заключения Рапальского договора с Германией смена акцента в экономических отношениях с Швецией на Германию стала не только возможной, но и желательной.

Шведско-российские экономические отношения имели куда большее значение, чем норвежско-российские. К примеру, по объему экспорта в Советскую Россию Швеция в то время превосходила любую другую страну³⁶. В начале 1923 г. советская сторона сочла выгодным для себя прекращение экономического бойкота. Предварительные двусторонние переговоры уже начались, но с приходом к власти консервативного правительства в апреле 1923 г. отношение шведов к СССР вновь стало крайне неприветливым³⁷.

Коллонтай, как уже упоминалось, пользовалась доступом к конфиденциальной информации благодаря своим контактам в норвежском рабочем движении. О связях между советскими представителями в Стокгольме и шведскими левыми в 1920-х гг. нам известно намного меньше. Мы знаем, в частности, что Карл Чильбум — один из наиболее видных лидеров шведского рабочего движения — был близким другом Осинского, который занимал пост советского полпреда в Швеции до 1924 г. Возможно, Осинский получал от Чильбума конфиденциальную информацию — впрочем, последний это категорически отрицал³⁸.

Коллонтай переводят в Швецию

21 апреля 1930 г. Коллонтай получила из Москвы телеграмму, где сообщалось, что Политбюро назначило ее временным поверенным в Швеции³⁹. Фоном для этого назначения стали неприятности в стокгольмском полпредстве. Один из его сотрудников стал «невозвращенцем», другой бесследно исчез. Сам полпред был тяжело болен, и его требовалось заменить.

Это назначение несколько не соответствовало желаниям самой Коллонтай. Ей больше всего хотелось уйти с дипломатической работы и вернуться в СССР, чтобы заняться литературным творчеством⁴⁰. Если же это было невозможно, она предпочитала остаться в Норвегии. Как мы знаем из ее дипломатического дневника, она уже «написала партии — крик души»: «Горячо прошу ни за что не назначать меня в Швецию»⁴¹. Но ее никто не послушал.

Прежние впечатления Коллонтай от пребывания в Швеции вряд ли можно назвать позитивными. Да, в 1912 г. она успешно выступила в этой стране с лекционным турне. Но когда после начала войны в 1914 г. Коллонтай приехала из Берлина в Стокгольм, ее вскоре арестовали и выслали из Швеции — «навечно». После Октябрьской революции, в 1918 г., ей поручили подготовку международной конференции социалистов в Петрограде, назначив главой советской делегации. Делегация отправилась в Стокгольм, но добраться смогла лишь до Мариехамна на Аландских островах, которые незадолго до того были оккупированы шведскими войсками. Оттуда она вынуждена была отплыть обратно — в финский город Або⁴².

Самой важной и неотложной задачей Коллонтай в качестве нового полпреда в Стокгольме было восстановить порядок в полпредстве, и она с ней отлично справилась. Во-вторых, она должна была улучшить имидж советского диппредставительства в глазах шведских властей и общественности. Сделать это было непросто. К предшественнику Коллонтай шведы относились с подозрением, и он был фактически подвергнут остракизму как со стороны дипкорпуса, так и со стороны стокгольмского общества⁴³. Ей самой в Швеции оказали весьма холодный прием. В письме подруге Зое Шадурской Коллонтай рассказывает: «Нелегкая задача досталась мне, атмосфера враждебности к Союзу и ко всем из полпредства грубо явная. Когда мы с Пиной проходим через холл, важно самодовольные фигуры шведов, восседающих в солидных креслах, обдают нас такими открыто враждебными взорами, какие я помню лишь по Берлину, в первые дни войны с Россией (1914 г.). Бывшие “друзья” из социал-демократов явно сторонятся, не заезжают и сухо отвечают на телефонные звонки»⁴⁴.

В другом письме Зое она вновь сетует на шведов: «Помнишь слова Пушкина: “Назло надменному соседу” и проч. Шведы и сейчас остались надменно-самодовольными. И Полтавы они нам не забыли. И Финляндию с ее отделением помнят. “Русский медведь”, пусть он не с царской короной, а с пятиконечной звездой — он все равно “опасен”. Ничего подобного в Норвегии нет»⁴⁵.

В дипломатических дневниках Коллонтай часто сравнивает Норвегию и Швецию, не оставляя сомнений в том, какой из стран принадлежит ее симпатии. Шведов она считала более «церемонными», более монархистски настроенными. Она жалуется: «Мало юмора, в особенности в Швеции, норвежцы веселее»⁴⁶. В письме своему норвежскому другу Мувинкелю Коллонтай признается, что скучает по Норвегии: по ее мнению, «между норвежцами и русскими больше духовной связи»⁴⁷.

Дипломатическая работа Коллонтай в Швеции в 1930-х гг.

В отношениях СССР со Швецией и Норвегией были существенные различия как в политическом, так и в экономическом плане. Швеция была традиционным противником России, а с Норвегией у нее никогда не было войн. Швеция, как и СССР, была балтийской державой, а Норвегия — нет. В экономическом же плане Швеция для Москвы была намного важнее Норвегии⁴⁸.

С другой стороны, в межвоенный период в советско-норвежских отношениях было больше поводов для разногласий — споры о правах на рыболовство, морских границах или потенциальный конфликт из-за юрисдикции Норвегии над Шпицбергеном. С Швецией сравнимых по остроте спорных вопросов у СССР не возникало⁴⁹. Более того, экономические системы Швеции и СССР во многом дополняли друг друга с точки зрения структуры и потребностей торговли и промышленности двух стран. Шведское общество отличалось прозрачностью и предсказуемостью, так что у советской стороны не было причин бояться опасных неожиданностей. Наконец, Швеция не входила ни в какие антисоветские альянсы или группировки, и в этом плане, пожалуй, занимала уникальное положение среди всех европейских стран, расположенных в непосредственной близости от советских границ.

Таким образом, объективные условия способствовали советско-шведскому сотрудничеству как в экономической, так и в политической сфере, особенно после того, как в сентябре 1932 г. к власти в Швеции пришли социал-демократы. Однако советское руководство оказалось не в состоянии воспользоваться этим историческим шансом. Именно в этот период враждебность советской стороны к европейской социал-демократии достигла особой остроты⁵⁰. Кроме того, из-за международной обстановки для СССР особую актуальность приобретали политические комбинации с великими державами, а малым странам придавалось меньшее значение. Эту тенденцию отмечала и сама Коллонтай⁵¹.

Коллонтай четко понимала, чего ей следует добиваться в Швеции, но реалистически оценивала шансы на успех. Осознавала она и важность экономических отношений между двумя странами. В начале 1932 г. она оценивала свою миссию следующим образом: «Моя задача как посланника — укрепить дружественность Швеции с нами, усилить наш престиж и влияние. А для этого надо подвести твердый экономический фундамент. <...> Чем крепче спаяны

экономические и торговые интересы двух стран, тем реальнее их содружество и совместные выступления против третьих сил. Сделать из Швеции активного друга я не надеюсь, но добиться учета со стороны Швеции пользы от дружественности с Союзом и нейтральности при нажиме третьих сил, этого добиться можно»⁵².

Однако Коллонтай без большого удовольствия занималась экономическими вопросами — в Норвегии это была рыба, в Швеции древесина. Торговля лесом была единственным поводом для конфликтов между двумя странами. Шведы и финны критиковали Россию за то, что она по демпинговым ценам поставляет на мировой рынок лес, заготовленный низкооплачиваемыми советскими рабочими, возможно, даже с применением рабского труда. Чтобы парировать эту критику, Коллонтай предложила включить советскую организацию-монополиста по экспорту леса в шведско-финский картель лесозаготовительных предприятий в качестве третьего партнера⁵³. В 1931–1932 гг. между СССР, Швецией и Финляндией шли переговоры об экспортных квотах на лес, которые тянулись месяцами безо всякого результата. Заседания были утомительными, а дело не двигалось. Коллонтай даже в шутку писала, что «проще было бы завести граммофонные пластинки, наговорив на них установки сторон»⁵⁴.

Другой трудной задачей стали проходившие в 1934 г. переговоры о шведском государственном кредите Советскому Союзу⁵⁵. Этот кредит был важен не только с экономической, но и с политической точки зрения, ведь речь шла о первом государственном займе, предоставляемом иностранным государством, — в отличие от кредитов в рамках конкретных торговых соглашений. Коллонтай надеялась, что он укрепит влияние СССР в Швеции, и, кроме того, его предоставление станет выгодным для Союза прецедентом⁵⁶.

В марте 1934 г. кредитное соглашение было подписано, но теперь оно должно было быть одобрено Риксдагом. Консервативные круги Швеции развернули в прессе ожесточенную кампанию против соглашения. Как сложится расстановка политических сил в Риксдаге, было неясно. Социал-демократическое правительство меньшинства зависело от поддержки Крестьянской партии. Москва опасалась, что негативный результат голосования ударит по престижу СССР. Когда возникла вероятность, что Риксдаг отвергнет соглашение, советская сторона решила предупредить шведов и сама отказалась его ратифицировать, чтобы до голосования дело просто не дошло⁵⁷.

Несмотря на то что в своих донесениях в НКВД Коллонтай давала порой пренебрежительные характеристики шведским социал-демократам, она активно старалась наладить с ними контакты, особенно с представителями левого крыла партии. Одним из примеров являются ее взаимоотношения с Густавом Мёллером, занимавшим в правительстве министерский пост. Сведения о точках зрения других членов правительства и оценки степени лояльности командования шведских вооруженных сил, которыми он делился с Коллонтай, зачастую носили сугубо конфиденциальный характер⁵⁸.

У Коллонтай также установился близкий контакт с адвокатом и политиком Георгом Брантингом — сыном бывшего лидера социал-демократов и премьера Ялмара Брантинга. Некоторое время Георг Брантинг работал юрисконсультантом в советском полпредстве. По политическим взглядам он был близок к коммунистам — Коллонтай как-то заметила, что он стал «настоящим большевиком»⁵⁹. Однако ее контакты с шведскими социал-демократами так и не стали столь же близкими и доверительными, как с политиками из Норвежской рабочей партии.

Коллоной контактировала и с лидерами коммунистов, особенно со Свеном Линдерутом и его женой. Незадолго до того, как она прибыла в страну, Коммунистическая партия Швеции раскололась на две организации, и сторонники Коминтерна оказались в необычайно трудном положении⁶⁰. Коллонтай это очень тревожило, но «в дела наших друзей я вмешиваться не могу и не должна, а смотреть досадно»⁶¹.

Хотя «личная дипломатия» Коллонтай помогала ей приобретать друзей, она активно пыталась влиять на шведские левые силы лишь в короткий период середины 1930-х гг. В это время отношение советского руководства к социал-демократам изменилось: их уже не рассматривали как «социал-фашистов», а старались подключить к политике «народного фронта». Во внешней политике это был расцвет курса на коллективную безопасность. В 1935 г. было воссоздано шведско-советское общество дружбы⁶². Годом позже Коллонтай сообщала о заметном усилении симпатии к СССР «в широких кругах не только шведской радикальной интеллигенции, но и среди ученых, преподавателей, деятелей искусства и др.»⁶³. Она объясняла это отчасти страхом перед нацистским режимом Германии, а отчасти большей, в том числе непосредственной, осведомленностью о советской действительности. Однако политический класс Швеции держал дистанцию. Шведские политики, даже старые друзья Коллонтай из левых кругов, отказывались вступать во вновь созданное общество дружбы⁶⁴. Кроме того, в конце 1930-х «культурное наступление» и попытки представить СССР как оплот мира и демократии почти сошли на нет⁶⁵. Это было связано с общей политической атмосферой и последствиями репрессий в советских органах, ведавших международными связями.

«Большой террор» 1937–1938 гг. стал для Коллонтай особенно трудным периодом. Она страдала из-за того, что бесследно исчезали ее старые друзья — жертвами репрессий стали даже ее бывший любовник Александр Шляпников и бывший муж Павел Дыбенко. Коллонтай опасалась и за собственную жизнь. Перед обеими поздравками в Москву в эти годы она писала прощальные письма своей шведской подруге Аде Нильссон и просила ее — как некогда Рахель Грешп — позаботиться о своем личном архиве⁶⁶. Мы можем лишь гадать, почему Коллонтай уцелела в период репрессий. Может быть, дело в том, что она четко отмежевалась от оппозиции⁶⁷. Кроме того, в качестве советского дипломата в Скандинавии она, несомненно, была полезна. Наконец, Сталин, вероятно,

считал ее безобидной. Так, ее друг Зет Хёглунд в своих мемуарах назвал Коллонтай «послушной рабыней Сталина»⁶⁸.

Как и в Норвегии, Коллонтай продолжала отправлять в НКВД свои независимые оценки по политическим вопросам и даже осмеливалась полемизировать с Центром. Так, она утверждала, что Швеция (и Скандинавия в целом) в очень высокой степени находится под влиянием Великобритании. Антисоветизм Англии усиливал аналогичную тенденцию в Швеции. В 1934 г. она даже высказывала сомнение, что Швеция останется нейтральной в случае войны — все будет зависеть от диктата Лондона. Литвинов, однако, находил «антибританский пафос» Коллонтай преувеличенным. НКВД больше волновали отношения Швеции с такими странами, как Польша, Финляндия и Япония; особенно там опасались, что Швеция может стать инструментом авантюристических тенденций в финской политике⁶⁹.

Коллонтай старательно пыталась разъяснить начальству реальные факты относительно обстановки в Швеции. Вот один пример: в ноябре 1934 г. в советской прессе развернулась пропагандистская кампания против Швеции и других скандинавских стран: утверждалось, что они готовятся проводить враждебную политику по отношению к СССР. Шведский министр иностранных дел Рикард Сандлер, стремясь уладить этот вопрос и покончить с ним, встретился с Коллонтай. Она сказала, что готова ему поспособствовать. Она рассказала Сандлеру, что ее «бомбардируют донесениями», но сама она не разделяет мнения о подготовке к проведению враждебной политики в отношении СССР. Свою точку зрения она сообщила в Москву, после чего кампания против стран Северной Европы в СССР смягчилась, а в отношении государств Скандинавии прекратилась вовсе⁷⁰.

Заключение

В шведском МИДе быстро оценили достоинства Коллонтай как дипломата. Уже в конце 1931 г. британский посланник в Швеции докладывал в Лондон, что Коллонтай «внушила к себе привязанность в Министерстве иностранных дел своей корректностью во всем, тем, что она полностью воздерживалась от пропаганды и помогала найти выход из тех затруднений, что время от времени возникают между двумя правительствами»⁷¹.

Эта цитата может служить удачной прелюдией к заключению. Другой наблюдатель хвалил Коллонтай за терпение и способность в ходе трудных переговоров вникнуть в установки и образ мышления другой стороны: «Она, как мало кто другой, владеет искусством слушать — а разве это не одно из самых важных качеств хорошего дипломата?»⁷²

По мнению некоторых исследователей, в 1920-х гг. советская дипломатия и революционная пропаганда были слиты практически воедино. Тем самым они ставят под сомнение концепцию «институционального дуализма»,

согласно которой НКИД был проводником национальных интересов и не занимался революционной деятельностью⁷³. В случае с Коллонтай таких сомнений не возникает. Да, она вела дискуссии с лидерами партий в Норвегии и Швеции. Но при этом она подчинялась — пусть и с неохотой — указанию Литвинова не вмешиваться в дела местных коммунистических партий. Судя по всему, контакты с Коминтерном она поручала своим секретарям. В ее донесениях в НКИД революционная риторика почти не присутствует⁷⁴. Впечатление, которое возникает из анализа дипломатической деятельности Коллонтай, таково: нет никаких оснований утверждать, что в период ее пребывания на посту полпреда подчиненные ей советские дипмиссии хоть сколько-нибудь занимались революционной пропагандой.

В своей дипломатической работе Коллонтай активно налаживала контакты и продвигала инициативы, способные укрепить престиж Советского Союза. Она обладала громадной работоспособностью и непредвзятостью мышления. Она готова была помочь министерствам иностранных дел стран пребывания и пойти им навстречу, что вызывало в ее адрес уважение и восхищение. Ей также удалось завоевать уважение политиков и широкой общественности, особенно в Норвегии. Она была на голову выше советских дипломатов, служивших в Норвегии и Швеции до нее, да и — что немаловажно — своих преемников в Норвегии. Коллонтай всегда оставалась лояльной своей стране. Однако она обладала независимым умом и без колебаний высказывала собственное мнение и давала советы вышестоящему руководству. Одним словом, она была выдающимся дипломатическим представителем Советского Союза.

¹ Я не буду касаться важной роли Коллонтай в качестве посредника между СССР и Финляндией в ходе Зимней войны и Войны-продолжения, как называют финны эти вооруженные конфликты между двумя странами. Эта тема заслуживает отдельной статьи.

² Она прибыла в Норвегию в октябре 1922 г. в качестве советника торгового представительства РСФСР.

³ О связях Александры Коллонтай с норвежским рабочим движением см.: *Egge Å. Aleksandra Kollontaj og norsk arbeiderbevegelse 1915–1930 // Revolusjon, kjærlighet, diplomati. Aleksandra Kollontaj og Norden / Ed. Y. Sørbye. Oslo: Unipub, 2008. S. 55–81; Эгге О., Хольтсмарк С., Комаров А. А. Введение к изданию дневников Коллонтай на норвежском языке. См. *Diplomatisk nedtegnelser 1922–1930 / A. M. Kollontaj. Oslo: Res Publica, 2015. S. 15–37.**

⁴ *Egge Å. Komintern og krisen i Det norske arbeiderparti. Oslo: Universitetsforlaget, 1995.*

⁵ Письмо Чичерина Коллонтай 04.11.1922 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 04. Оп. 30. П. 199. Д. 52327. Л. 32–33. Опубликовано в: Советско-норвежские отношения. 1917–1955: Сборник документов. М.: ЭЛИА-АРТ-О, 1997. Док. 60. (На норвежском опубликовано в: *Holtmark S. G. (ed.) Norge og Sovjetunionen 1917–1955. Oslo: J. W. Cappelensforlag, 1995. Dok. 60.*)

⁶ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1. П. 72. С. 39 (запись от 15.10.1922).

- ⁷ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники 1922–1940. Т. 1. М.: Academia, 2001. С. 83 (запись от 03.01.1923).
- ⁸ См., например: Там же. С. 96–97, 173.
- ⁹ Egge Å. Kominternogkrisen. S. 91–94, 103–104. Письма Боди опубликованы в переводе на норвежский в Åsmund Egge and Vadim Roginskii (eds.). Kominternog Norge. DNA-perioden 1919–1923. En dokumentasjon. Oslo: Unipub, 2006. Doc. 288, 312.
- ¹⁰ Письмо Коллонтай М. М. Литвинову от 9 ноября 1923 г. // АВПРФ. Ф. 04. Оп. 30. П. 199. Д. 52336. Л. 86–89.
- ¹¹ Egge Å. Fra revolusjonsbegeistring til brobygging — Moskva i norsk arbeiderbevegelse 1917–1991 // Mediehistorisk Tidsskrift. 2017. Vol. 28, no. 2. S. 16–27.
- ¹² Egge Å., Holtsmark S. G. Soviet Diplomacy. S. 101–112.
- ¹³ Nag M. Kollontaji Norge. Oslo: Solum, 1981. S. 44.
- ¹⁴ Письмо Коллонтай Грешп от 19 декабря 1930 г. // Архив и библиотека рабочего движения (Осло). Ark-2754 Rachel Grepp. Boks F 7 Brevogmanuskripter. Mappe 1, Aleksandra Kollontaj — Brev.
- ¹⁵ Nag M. Kollontaj i Norge. S. 42–43.
- ¹⁶ Ibid. S. 48.
- ¹⁷ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. Т. 1. С. 434 (запись от 18.02.1930). Коллонтай цитирует директора дословно.
- ¹⁸ Мирный С. М. Александра Коллонтай, какой я ее помню // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5 / Ред. О. В. Чернышева. М.: Наука, 2005. С. 293.
- ¹⁹ См., например, Celius G. Norwegian-Soviet relations, 1920–1924: Negotiations on the Spitsbergen question and *de jure* recognition of the Soviet Government // Caution and Compliance / Eds. Myklebost and Bones. S. 137–148.
- ²⁰ См., например, Holtsmark S. G. (ed.). Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014. Oslo: Pax, 2015. S. 93–111.
- ²¹ Репневский А. В. СССР — Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета, 1998. С. 109–168.
- ²² Коллонтай это отлично понимала. В 1933 г., уже находясь в Столгольме, она критиковала политику СССР по отношению к Норвегии: «Ошибка Розенгольца, что не закупил у них [норвежцев] в этом году рыбу. Стоило потратить четыре миллиона крон, чтобы сохранить за нами симпатии побережного населения» (Коллонтай А. М. Дипломатические дневники 1922–1940. Т. 2. М.: Academia, 2001. С. 160 (запись от 27.03.1933)).
- ²³ Holtsmark S. G. A. M. Kollontaj og forholdet Norge-Sovjetunionen // Revolution / Ed. Sørbye. S. 124–127.
- ²⁴ См., например, Büchten D. Kunstogpolitikk. Diplomaten Aleksandra Kollontaj somkulturformidler // Revolution / Ed. Sørbye. S. 287–316.
- ²⁵ Шишкин В. А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. СПб., 2002. С. 10.
- ²⁶ Celius G. Norwegian-Soviet Relations. S. 146. См. также: Holtsmark S. G. A. M. Kollontaj. S. 106–107. Сама Коллонтай описывает эту историю в своих дипломатических дневниках. См.: Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. Т. 1. С. 197–202.
- ²⁷ Эгге О., Хольтсмарк С., Комаров А. А. Введение // Kollontaj A. M. Diplomatiske nedtegnelser 1922–1930. S. 39–42; Celius G. Norwegian-Soviet Relations. S. 142–148.
- ²⁸ Holtsmark S. G. A. M. Kollontaj. S. 118.
- ²⁹ Holtsmark S. G., ed. Naboer. S. 27–28.
- ³⁰ См., например: Kan A. Hemmabolsjevikerna. Den svenska socialdemokratin, ryska bolsjeviker och mensjeviker under världskriget och revolutionsåren 1914–1920. Stockholm: Carlsson bokförlag, 2005. S. 244–249.
- ³¹ Carlbäck-Isotalo H. Att byta erkännande mot handel. Svensk-ryska förhandlingar 1921–1924. Uppsala: Studia historica Upsaliensia, 1997. Краткий обзор советско-шведских отношений в начале 1920-х гг. см. в: Lönnroth E. Den svenska utrikespolitikens historia. T. V: 1919–1939. Stockholm: P. A. Norstedt & Söners förlag, 1954. S. 70–75.

- ³² *Carlbäck-Isotalo H.* Att byta erkännande. S. 175–184.
- ³³ О традиционном отношении шведских элит к России в довоенные годы см.: *Åselius G.* The “Russian Menace” to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Élite in the Age of Imperialism. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1994.
- ³⁴ О Керженцеве и Осинском см.: *Carlbäck-Isotalo H.* Att byta erkännande. S. 43–44, 216–217 и далее.
- ³⁵ *Ibid.* S. 184.
- ³⁶ *Ibid.* S. 178.
- ³⁷ *Ibid.* S. 208.
- ³⁸ *Kilbom K.* I hemligt uppdrag. Ur mitt livs äventyr. II. Stockholm: Tiden, 1954. S. 281–282.
- ³⁹ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 1. С. 439–440 (запись от 21.04.1930). Днем ранее Политбюро решило назначить Коллонтай на эту временную должность с сохранением за ней поста полпреда в Норвегии.
- ⁴⁰ Например: «Хочу, хочу домой!» (*Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2. С. 106 (запись в конце марта 1932 г.)). Еще в 1925 г. Коллонтай в письме к Литвинову просила освободить ее с поста полпреда в Норвегии (*Иткина А. М.* Революционер, трибун, дипломат. М., 1970). Она хотела «снова стать свободным писателем без официальной должности» (Письмо Коллонтай Фредрику Стрёмю от 24 июля 1925 г. // *Kollontaj A. Kärakamrat: allrakärastevän / Ed. B. Stövling. Gidlund, 1977. S. 30.*)
- ⁴¹ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 1. С. 439 (запись сделана в апреле 1930 г.). Получив назначение в Стокгольм на постоянной основе, она тоже пыталась «сбежать» оттуда — перевестись во Францию в 1931 г., в Испанию в 1934 и в Бельгию в 1935 (*Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 2005. С. 54–55, сн. 50).
- ⁴² *Kan A.* Hemmabolsjektiverna. S. 298–301.
- ⁴³ *Nauge K. Alexandra Mikhailovna Kollontai: The Scandinavian Period, 1922–1945: Diss. Dr.* University of Minnesota, 1971. P. 156–158.
- ⁴⁴ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 1. С. 452 (запись от 27.04.1930).
- ⁴⁵ Там же. С. 455 (запись от 01.05.1930). Позднее она тоже говорила о «море недружелюбия» и отмечала: «...кругом атмосфера тяжелая, чужая и душная» (*Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2. С. 11, 12 (запись от 27.04.1930); С. 773, 775 (записи от 23.11.1930)).
- ⁴⁶ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2. С. 27–28, 33.
- ⁴⁷ Письмо Коллонтай Мувинкелю от 19 ноября 1930 г. // *Nag M. Kollontaj i Norge. S. 32.*
- ⁴⁸ С другой стороны, для Норвегии экономические отношения с Россией имели большее значение, чем для Швеции.
- ⁴⁹ Далее я основываюсь на: *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. Особенно с. 151–181.
- ⁵⁰ Об этом так называемом «третьем периоде» подробнее см., например: *McDermott K., Agnew J.* The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin. London: MacMillan, 1996. Ch. 3.
- ⁵¹ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2. С. 260 (запись от 03.10.1934), 273 (запись сделана в конце декабря 1934 г.). В НКИДе скандинавскими делами, которыми прежде ведал специальный отдел, теперь занимался отдел, которому были поручены отношения с Западной Европой, Америкой и британскими доминионами (*Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. С. 42).
- ⁵² *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2. С. 94–95 (запись от 21.01.1932).
- ⁵³ *Wahlbäck K.* Finland – en politisk nervknot. Aleksandra Kollontaj i Sverige 1930–1945 // *Revolution / Ed. Sørbye. S. 174.*
- ⁵⁴ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2. С. 76.
- ⁵⁵ Там же. С. 207–234; *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. С. 50–55; *Wahlbäck K.* Finland. S. 174–177.
- ⁵⁶ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2. С. 209 (запись от 12.01.1934).

- ⁵⁷ В своих дипломатических дневниках Коллонтай ошибочно приписывает себе идею «упредить» шведов. *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. С. 53, сн. 45.
- ⁵⁸ Там же. С. 152–153.
- ⁵⁹ Письмо Коллонтай З. Шадурской от 17 октября 1937 г. Цит. по: *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. С. 154.
- ⁶⁰ О компартии Швеции подробнее см. в: *Egge Å., Rybner S. (eds.) Red Star in the North. Communism in the Nordic countries.* Stamsund: Orkana, 2015.
- ⁶¹ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2. С. 24.
- ⁶² Оно было основано в 1924 г., но долгое время оставалось в бездействии. *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. С. 156.
- ⁶³ Донесение Коллонтай Н. Н. Крестинскому от 13 августа 1936 г. Цит. по: *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. С. 159–160.
- ⁶⁴ *Kap A. Aleksandra Kollontajs privata vänkrets under de diplomatiska tjänståren i Norge och Sverige // Revolution / Ed. Sørbye. S. 274.*
- ⁶⁵ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. С. 160–161.
- ⁶⁶ *Nilsson A. Glimtar ur mitt liv som läkare // Natur & Kultur. 1963. S. 142–143.*
- ⁶⁷ Правда. 1927. 30.10.
- ⁶⁸ «Kollontaj förblevpolitiskt Stalins mjuka slavinna» (*Höglund Z. Revolutionernas år. 1917–1921. Vol. III. Stockholm: Tidens förlag, 1956. S. 97.* Различные гипотезы о том, почему ее не тронули, см. также в: *Lindahl I. Alexandra Kollontaj och Norden // Utrikespolitik och historia. Studier tillägnade Wilhelm M. Carlgren den 6 maj 1987. Stockholm: Militärhistoriska förlaget, 1987. S. 158–159.*
- ⁶⁹ *Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л.* Швеция в политике Москвы. С. 62–67. Коллонай также не раз высказывалась об Англии в своих дневниковых записях (см. *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. Т. 2).
- ⁷⁰ *Lönnroth E. Den svenska utrikes politikens historia. S. 132–133.*
- ⁷¹ Цит. по: *Hauge K. Alexandra Mikhailovna. S. 163.*
- ⁷² *Hägglöf G. Möte med Europa 1926–1940. Stockholm, 1971. S. 122.* Цит. по: *Wahlbäck K. Finland. S. 172–173.*
- ⁷³ *Dullin S. Understanding Russian and Soviet Foreign Policy from a Geocultural Perspective. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12, no. 1. S. 177.*
- ⁷⁴ *Holtmark S. G. A. M. Kollontaj. S. 113–114.* Правда, в ноябре 1924 г. Литвинов дал Коллонтай указание писать о партийных делах в отдельных отчетах, но ни в коем случае не в общих донесениях для НКВД. См. *Репневский А. В. СССР – Норвегия. С. 116.* Но и до этого в дипломатической переписке Коллонтай комментарии по партийным делам встречались крайне редко.

REFERENCES

- ÅSELIUS G. *The “Russian Menace” to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Élite in the Age of Imperialism.* Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1994.
- BÜCHTEN D. *Kunst og politikk. Diplomaten Aleksandra Kollontaj som kulturformidler // Revolusjon, kjærlighet, diplomati. Aleksandra Kollontaj og Norden / Ed. by Y. Sørbye. Oslo: Unipub, 2008. S. 287–316.*
- CARLBÄCK-ISOTALO H. *Att byta erkännande mot handel. Svensk-ryska förhandlingar 1921–1924.* Uppsala: Studia historica Upsaliensia, 1997.
- CELIUS G. *Norwegian – Soviet relations, 1920–1924: Negotiations on the Spitsbergen question and de jure recognition of the Soviet Government // Caution and Compliance, Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814–2014 / Ed. by K. A. Myklebost, S. Bones. Stamsund: Orkana, 2012. S. 137–148.*

- DULLIN S. *Understanding Russian and Soviet Foreign Policy from a Geocultural Perspective* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12, no. 1. P. 177.
- EGGE O., XOLTSMARK S., KOMAROV A. A. *Vvedenie k izdaniyu diplomatskikh dnevnikov Kollontaj na norvezhskom yazyke* // *Diplomatiske nedtegnelser 1922–1930* / By Aleksandra M. Kollontaj. Oslo: Res Publica, 2015. S. 15–37.
- EGGE Å., DRYBNER S., eds. *Red Star in the North. Communism in the Nordic Countries*. Stamsund: Orkana, 2015.
- EGGE Å., HOLTSMARK S. G. *Soviet Diplomacy and the Norwegian Left, 1921–1939* // *Caution and Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814–2014* / Ed. by K. A. Myklebost, S. Bones. Stamsund: Orkana, 2012.
- EGGE Å., ROGINSKY V., eds. *Komintern og Norge, DnA-perioden 1919–1923. En dokumentasjon*. Oslo: Unipub, 2006.
- EGGE Å. *Aleksandra Kollontaj og norsk arbeiderbevegelse 1915–1930* // *Revolusjon, kjærlighet, diplomati*. Aleksandra Kollontaj og Norden / Ed. by Y. Sørbye. Oslo: Unipub, 2008. S. 55–81.
- EGGE Å. *Fra revolusjonsbegeistring til brobygging – Moskva i norsk arbeiderbevegelse 1917–1991* // *Mediehistorisk Tidsskrift*. 2017. Vol. 28, no. 2. S. 16–27.
- EGGE Å. *Komintern og krisen i Det norske arbeiderparti*. Oslo: Universitetsforlaget, 1995.
- HÄGGLÖF G. *Möte med Europa 1926–1940*. Stockholm: Norstedt, 1971.
- HAUGE K. *Alexandra Mikhailovna Kollontai: The Scandinavian Period, 1922–1945*. Diss. Dr. University of Minnesota, 1971.
- HÖGLUND Z. *Revolutionernas år. 1917–1921*. Vol. III. Stockholm: Tidensförlag, 1956.
- HOLTSMARK S. G. A. M. *Kollontaj og forholdet Norge-Sovjetunionen* // *Revolusjon, kjærlighet, diplomati*. Aleksandra Kollontaj og Norden / Ed. by Y. Sørbye. Oslo: Unipub, 2008. S. 105–132.
- HOLTSMARK S. G., ed. *Naboer i frykt og forventning. Norge og Russland 1917–2014*. Oslo: Pax, 2015.
- HOLTSMARK S. G., ed. *Norge og Sovjetunionen 1917–1955. En utenrikspolitisk dokumentasjon*. Oslo: J. W. Cappelens forlag, 1995.
- ITKINA A. M. *Revoljucioner, tribun, diplomat*. [Revolutionary, tribune, diplomat. In Russ.]. Moscow: Politizdat, 1970.
- KAN A. *Aleksandra Kollontaj sprivataväknretsunder de diplomatiska tjänstären i Norgeoch Sverige* // *Revolusjon, kjærlighet, diplomati*. Aleksandra Kollontaj og Norden / Ed. by Y. Sørbye. Oslo: Unipub, 2008. S. 253–285.
- KAN A. *Hemmabolsjevikererna. Den svenska socialdemokratin, ryska bolsjevikerochmensjeviker under världskrigetochrevolutionsåren 1914–1920*. Stockholm: Carlsson bokförlag, 2005.
- KEN O., RUPASOV A., SAMUELSON L. *Shveciya v politike Moskvyy. 1930–1950-e gody* [Sweden in Moscow's politics. 1930s–1950s. In Russ.]. Moscow: ROSSPE`N, 2005.
- KILBOM K. *I hemligtuppdrag. Ur mitt livs äventyr II*. Stockholm: Tiden, 1954.
- KOLLONTAJ A. M. *Diplomatiskieskie dnevniki 1922–1940* [Diplomatic Diaries, 1922–1940. In Russ.]. T. 1–2. Moscow: Academia, 2001.
- KOLLONTAJ A. M. *Diplomatiske nedtegnelser 1922–1930*. Oslo: Respublica, 2015.
- KOLLONTAJ A. *Aleksandra Kollontajs dagböcker 1930–1940*. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 2008.
- LINDAHL I. *Alexandra Kollontaj och Norden* // *Utrikespolitik och historia. Studier tillägnade Wilhelm M. Carlgren den 6 maj 1987*. Stockholm: Militärhistoriska Förlaget, 1987.
- LÖNNROT E. *Den svenska utenrikspolitikens historia*. Vol. 5. 1919–1939. Stockholm: P. A. Norstedt & Sönersförlag, 1954.
- MCDERMOTT K., AGNEW J. *The Comintern. A History of International Communism from Lenin to Stalin*. London: MacMillan, 1996.
- MIRNYJ S. M. *Aleksandra Kollontaj, kakoj ya ee pomnyu* [Alexandra Kollontai, as I remember her. In Russ.] // *Severnaya Evropa. Problemy istorii*. Vy`p. 5 / Red. O. V. Cherny`sheva. Moscow: Nauka, 2005.
- NAG M. *Kollontaj i Norge*. Oslo: Solum, 1981.
- NILSSON A. *Glimtar ur mitt liv som läkare*. Stockholm: Natur & Kultur, 1963.
- REPNEVSKIJ A. V. *SSSR – Norvegiya: ekonomicheskie otnosheniya mezhuvoenogo dvadczatiletiya* [USSR – Norway: Economic relations in the inter-war 20th century. In Russ.]. Arxangelsk: Publ. House of Pomorsk State University, 1998.
- SHISHKIN V. A. *Stanovlenie vneshnej politiki poslerevoljucionnoj Rossii (1917–1930 gody i kapitalisticheskij mir)*. [The emergence of revolutionary Russia's foreign policy (1917–1930 and the capitalist world). In Russ.]. Saint Petersburg, 2002.

- SØRBYE Y., ed. *Revolusjon, kjærlighet, diplomati. Aleksandra Kollontaj og Norden*. Oslo: Unipub, 2008.
- Sovetsko-norvezhske relasjoner. 1917–1955: Sbornik dokumentov [Soviet-Norwegian relations: 1917–1955. Collection of documents. In Russ.]*. Moscow: E`LIA-ART-O, 1997.
- STÖVLING B., ed. *Aleksandra Kollontaj: "Kärakamrat: allrakäraste vän"*. Stockholm: Gidlund, 1977.
- WAHLBÄCK K. *Finland – en politisk nerveknut. Aleksandra Kollontaj i Sverige 1930–1945 // Revolusjon, kjærlighet, diplomati. Aleksandra Kollontaj og Norden / Ed. by Y. Sorbye*. Oslo: Unipub, 2008. S. 169–208.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. Эгге. Советская дипломатия в Норвегии и Швеции в межвоенный период — роль Александры Коллонтай // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 153–171

Аннотация: В статье анализируется деятельность советской дипломатии в Норвегии и Швеции в межвоенный период и роль Александры Михайловны Коллонтай в развитии советско-норвежских и советско-шведских отношений в эти годы. Коллонтай возглавляла (в ранге полномочного представителя, сокращенно — полпреда) советское дипломатическое представительство в Норвегии с 1923 по 1930 г. (с коротким перерывом в 1926–1927 гг., когда она занимала пост полпреда в Мексике) и в Швеции с 1930 по 1945 г. (с 1943 г. — уже в ранге чрезвычайного и полномочного посла). Коллонтай активно налаживала контакты и продвигала инициативы, способные укрепить престиж Советского Союза. Она обладала громадной работоспособностью и непредвзятостью мышления. Коллонтай всегда оставалась лояльной своей стране. Однако она обладала независимым умом и без колебаний высказывала собственное мнение и давала советы вышестоящему руководству.

Ключевые слова: Александра Коллонтай, советская дипломатия, норвежско-советские, советско-шведские отношения.

FOR CITATION

Å. Egge. Soviet diplomacy in Norway and Sweden during the interwar period — the role of Alexandra Kollontai // Petersburg historical journal, no. 3, 2022, pp. 153–171

Abstract: This article analyzes the activities of Soviet diplomacy in Norway and Sweden during the interwar period and the role of Alexandra Mikhailovna Kollontai in the development of Soviet-Norwegian and Soviet-Swedish relations during those years. Between 1923 and 1930 (with a brief interruption in 1926–1927, when she served as Ambassador Plenipotentiary to Mexico) and in Sweden from 1930 to 1945 (from 1943, already with the rank of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary), Kollontai was chief of the Soviet diplomatic mission in Norway.

Kollontai actively established contacts and promoted initiatives that could enhance the prestige of the Soviet Union. She possessed a tremendous capacity for work and open-mindedness. Kollontai always remained loyal to her country. However, she had an independent mind and did not hesitate to voice her own opinion and give advice to her superiors.

Key words: Alexandra Kollontai, Soviet diplomacy, Norwegian-Soviet, Soviet-Swedish relations.

Автор: Эгге, Осмунд — почетный профессор Университета Осло (Норвегия).

Author: Egge, Åsmund — Emeritus Professor at the University of Oslo (Norway).

E-mail: asmund.egge@iakh.uio.no